
Вопросъ о смертной казни при свѣтѣ христіанскаго ученія.

Въ январской книжкѣ журнала „Вѣра и Разумъ“ мы имѣли уже случай высказать свой взглядъ по вопросу о смертной казни. Тогда мы не могли еще предвидѣть, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вопросъ этотъ остановитъ на себѣ вниманіе всего русскаго общества и сдѣлается однимъ изъ самыхъ злободневныхъ. Теперь это несомнѣнно. Всякій, прежде совершенно равнодушный къ нему, старается теперь быть въ курсѣ современной жизни и, по мѣрѣ своихъ силъ, уяснить себѣ этотъ вопросъ. Какъ бываетъ всегда и почти во всѣхъ случаяхъ, общество къ согласному заключенію не пришло. Одни считаютъ возможнымъ защищать смертную казнь даже съ точки зрѣнія Христова ученія; другіе, не желающіе или неспособные вникнуть поглубже въ сущность христіанскаго ученія, считаютъ мнѣніе первыхъ явно недѣльнымъ и рѣшительно осуждаютъ смертную казнь. Даже голосъ высокоавторитетныхъ и компетентныхъ въ рѣшеніи этого вопроса лицъ пропускается противниками смертной казни мимо ушей, или возбуждаетъ противъ говорящихъ одни только озлобленные крики. Противъ закона о смертной казни съ удивительнымъ единодушіемъ поднялась вся либеральная наша пресса; послышались голоса священниковъ, сбитыхъ съ толку опьянѣвшими отъ свободы нашими газетами; появилась извѣстная петиція группы студентовъ Московской Академіи, тоже, очевидно, не желавшихъ отставать въ своемъ либерализмѣ и гуманитарныхъ чувствахъ отъ свѣтскихъ прогрессистовъ; раздались безтактныя и ругательныя рѣчи „избранниковъ русскаго народа“ въ Государственной Думѣ: во имя гуманности и Христа ратовали здѣсь съ пѣною на устахъ такіе поборники Христова ученія, какъ Аладыны, Аникины, Жилкины и пр. пр., тѣ, которые, шумными аплодисментами привѣ-

ствовавши извѣстіе (ошибочное) объ убійствѣ Московскаго генералъ-губернатора Дубасова, или тѣ, которые не желали принять честнаго предложенія г. Стаховича, приглашавшаго осудить не только смертную казнь, но и политическія убійства. Нашлись противники смертной казни и въ Государственномъ Совѣтѣ, но такихъ оказалось здѣсь меньшинство: большая часть высказалась за несвоевременность полной отмѣны соотвѣтствующихъ законовъ; въ томъ же смыслѣ высказывались и представители русской церкви, засѣдавшіе въ Совѣтѣ.—Мы до сихъ поръ слышимъ еще вопли и брань, поднявшіеся по этому случаю въ печати: представителей нашей церкви и красу богословія упрекали въ богословскомъ невѣжествѣ, въ раболѣпнн предъ свѣтскою властію, ставили ихъ ниже иконоборцевъ; называли противниками креста Христова, предлагали власти церковной лишить ихъ сана, угрожали совершенно отказаться отъ такого духовенства и проч., и проч. Намъ очень грустно было видѣть непривычную для русскаго человѣка картину дерзкаго и безнаказаннаго глумленія надъ лучшими и достойнѣйшими представителями нашей православной церкви, хотя мы и не сомнѣвались нисколько въ томъ, что та грязь, которою стараются забросать ихъ, можетъ замарать только самихъ бросающихъ: вичего конечно, кромѣ улыбки не можетъ вызвать въ православномъ читателѣ жидовствующая печать наша, поучающая христіанскихъ архипастырей и православныхъ богослововъ истинамъ Христова ученія и тому, „какъ подобаетъ въ дому Божіемъ жити“. Какъ бы то ни было, вопросъ о смертной казни практически разрѣшенъ, повидимому, въ смыслѣ сохраненія соотвѣтствующаго закона въ русскомъ законодательствѣ. Но вопросъ о томъ, можно ли оправдать существованіе смертной казни въ христіанскомъ государствѣ, съ точки зрѣнія Христова ученія, попрежнему остается для многихъ открытымъ; по крайней мѣрѣ Петербургскій академическій органъ признаетъ возможность различныхъ мнѣній относительно обсуждаемаго вопроса и самый вопросъ считаетъ не вполне выясненнымъ. (Церковн. Вѣсти. № 25, 822 стр. примѣч. къ статьѣ „Дума о Думѣ“).

Въ указанномъ номерѣ Церковнаго Вѣстника помѣщена замѣтка Пр. А—ва „Дума о Думѣ“, посвященная интересую-

щему насъ вопросу, въ которой неизвѣстный намъ авторъ оправдываетъ смертную казнь съ точки зрѣнія христіанскаго ученія. Редакція Ц. В—ка, помѣстивши на страницахъ своего журнала указанную статью, сдѣлала однако же примѣчаніе, что она раздѣляетъ не всѣ заключающіяся здѣсь мысли. Раздѣляя *по существу* содержаніе статьи Пр. А—ва и считая его мысли совершенно православными, мы очень желали бы знать, какія именно мысли и почему не могутъ быть приняты редакціею академическаго журнала. Къ сожалѣнію, редакція не нашла нужнымъ указать ихъ; вмѣсто этого въ слѣдующемъ номерѣ она любезно помѣстила статью другого автора, укрывшагося подъ буквами В. И., проводящаго взгляды и мысли *совершенно* противоположныя мыслямъ перваго, и не сдѣлала на этотъ разъ никакой оговорки. Намъ думается, что эта вторая статья, если только она не служитъ выраженіемъ мнѣнія самой редакціи, гораздо болѣе нуждалась бы въ ея оговоркѣ. Не находя однако же этого, мы беремъ на себя задачу сдѣлать на эту вторую статью *свои* сильныя замѣчанія.

Авторъ подлежащей нашему разсмотрѣнію статьи, В. И., отрицаетъ смертную казнь во имя Христа и Его ученія; лицъ, несогласныхъ съ его образомъ мыслей, называетъ „законниками“, „архіереями и старцами“, (очевидно, подражая очень не остроумно блудословившимъ нашимъ газетамъ), рѣчи ихъ—рѣчами жестокими, толкованія—неправыми, которыми хулится Откровеніе. Въ своей статьѣ онъ намѣревается показать неправоту ихъ, „дабы изъ-за неправильныхъ толкованій не хулилось само Откровеніе.

Наша ближайшая задача—показать, насколько убѣдительно онъ доказываетъ ихъ неправоту и справедливо ли награждаетъ ихъ такими эпитетами.

„Всѣ христіане, начинается свою рѣчь В. И., знаютъ тягчайшій случай въ человѣческой исторіи, когда смертная казнь была примѣнена къ Невиннѣйшему изъ невинныхъ и Провѣднику самоотверженной любви. Казалось бы—одного этого достаточно, говоритъ онъ, чтобы навсегда упразднить ее среди, по крайней мѣрѣ, послѣдователей Невинно-Распятаго. Но этого не случилось“.—Мы совершенно отказываемся понять, по какой логикѣ дѣлаетъ авторъ свое умозаключеніе,—

откуда слѣдуетъ, что если человѣческій судъ ошибочно осудилъ на смерть Невиннаго, то ему не слѣдуетъ осуждать и виновныхъ?! Намъ думается, что смерть невиннаго ни въ чемъ Христа учитъ насъ только одному: она должна быть постояннымъ напоминаніемъ судіямъ объ ихъ обязанности относиться къ своему дѣлу со всею внимательностію и осторожностію, и принимать со своей стороны всѣ мѣры къ тому, чтобы не умертвить невиннаго, и только... Говорить серьезно, на основаніи указаннаго факта, объ отмѣнѣ смертной казни въ высшей степени странно. Вѣдь если нельзя осуждать за смертную казнь въ виду возможности судебныхъ ошибокъ, то, заключая послѣдовательно, нельзя налагать и другихъ судебныхъ наказаній—нельзя и ссылать, нельзя и въ тюрьму сажать, коротко говоря,—совсѣмъ не нуженъ человѣческій судъ... Слѣдуетъ напомнить неизвѣстному намъ автору, что это мысли и разсужденія толстовскія, а о Толстомъ ваша церковь составила уже вполне определенное сужденіе.

Сдѣлавши такое неудачное и ничего не объясняющее начало и заявивши о своемъ намѣреніи защититъ Откровеніе и показать неправду законническихъ толкованій, авторъ нашъ приступаетъ къ раскрытію этой неправды. Сначала В. И. останавливается на разсмотрѣніи доводовъ (sic) своихъ противниковъ изъ закона Христова, потомъ изъ ветхозавѣтнаго закона и, наконецъ, снова бросаетъ упреки нашимъ „законникамъ“; въ своихъ разсужденіяхъ онъ идетъ путемъ какъ разъ обратнымъ тому, какимъ слѣдовалъ Пр. А.—въ, начавшій свое разсужденіе съ раскрытія ветхозавѣтнаго ученія. Хода мыслей В. И. мы не можемъ оставить безъ вниманія. Авторъ нашъ, при написаніи своей статьи, руководствовался тѣмъ неправильнымъ соображеніемъ, что для христіанина имѣетъ значеніе только новозавѣтное ученіе и совсѣмъ не важно ветхозавѣтное. Выходя изъ этого основного своего заблужденія, онъ и думалъ, что разбивши доводы противной стороны на основаніи будто бы Христова ученія, духу котораго противно всякое пролитіе крови, оставить защитниковъ смертной казни со старымъ, негоднымъ для боя ветхозавѣтнымъ оружіемъ. В. И. избралъ удобный и легкій путь для подтвержденія своихъ мыслей и одержанія литературной побѣды, но удобный и легкій путь не всегда

бываетъ лучшимъ и безошибочнымъ въ дѣлѣ отысканія истины. По крайней мѣрѣ это нужно сказать относительно даннаго случая: доводы В. И. могутъ быть убѣдительными развѣ только для тѣхъ, кто не уяснилъ себѣ надлежащимъ образомъ взаимнаго отношенія двухъ завѣтовъ—Ветхаго и Новаго; а тотъ, кто знаетъ, что оба завѣта имѣютъ внутреннюю, органическую связь, какъ выраженіе *единой* Высочайшей воли, всегда можетъ смутить самого автора роковымъ для него вопросомъ: почему же Христовымъ ученіемъ *безусловно* отрицается то, что узаконяется въ извѣстныхъ случаяхъ ветхозавѣтнымъ? Не думаемъ, чтобы почтенный составитель разсматриваемой статьи далъ намъ надлежащій отвѣтъ на этотъ вопросъ; а если бы, паче чаянія, и отвѣтилъ на него правильно, то отвѣтомъ своимъ и опровергъ бы себя. Мы, со своей стороны, считаемъ вполне правильнымъ и рациональнымъ ходъ мыслей Пр. А—ва, автора первой статьи, и утверждаемъ, что иначе и не слѣдуетъ разсуждать о данномъ предметѣ. Чтобы выяснить и доказать мысль нашу, позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь маленькое замѣчаніе о взаимномъ отношеніи двухъ завѣтовъ, въ виду исключительной важности этого замѣчанія при рѣшеніи занимающаго насъ вопроса.—Ветхій и Новый Завѣтъ служатъ выраженіемъ одной и той же воли Всесовершеннѣйшаго Существа, *воспитывающаго* человѣчество здѣсь, на землѣ, для Царствія Божія. Богъ—Премудрый Отецъ и воспитатель людей, а люди—Его дѣти и воспитанники. Какъ отдѣльный индивидуумъ достигаетъ возможнаго предѣла въ своемъ духовно-нравственномъ развитіи не вдругъ, а постепенно, такъ и человѣчество въ своемъ развитіи переживаетъ соотвѣтствующіе возрасты. Какъ плотскіе родители воспитываютъ своихъ дѣтей, сообразуясь съ ихъ ростомъ и, по мѣрѣ надобности, одни приемы воспитанія отмѣняютъ совсѣмъ, другіе измѣняютъ, такъ и общій нашъ Премудрый Воспитатель и Отецъ ведетъ по жизненному пути человѣческой родъ. Но при всемъ различіи воспитательныхъ средствъ, которыми пользуется воспитатель, во всѣхъ дѣйствіяхъ его должны быть послѣдовательность и строгое единство: онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ смѣшивать въ сознаніи воспитываемаго добра со зломъ, называя одинъ и тотъ же поступокъ то дурнымъ, то хорошимъ; воля

воспитателя всегда должна сообразоваться съ намѣченной цѣлью воспитанія и вести именно къ этой цѣли. Воля Божія, выразившаяся въ ветхозавѣтномъ законодательствѣ, безусловно осуждаетъ сознательное и намѣренное убійство одного человѣка другимъ; во всей полнотѣ своей она обязательна, въ силу своей безусловности, и для новозавѣтнаго человечества. Другое дѣло—ветхозавѣтные законы о смертной казни. Мы не можемъ признать ихъ выраженіемъ безусловной воли Божіей, ибо это значило бы обличить Божество въ противорѣчіи Самому Себѣ,— и признаемъ ихъ выраженіемъ воли Божіей *условной*, опредѣляемой грѣховнымъ состояніемъ того человѣческаго общества, которому были даны эти законы. Какъ безусловная воля Божія, запрещающая убійство, имѣетъ отношеніе ко всему человечеству, такъ точно и обусловленная относится не къ однимъ только евреямъ, современникамъ Моисея, но и ко всѣмъ людямъ. Различіе между волею безусловною и условною только то, что *первая обязательна всегда и для всѣхъ*, а *вторая—не всегда и не для всѣхъ*: тамъ, гдѣ нѣтъ обусловливающихъ ее проявленій злой воли человѣка, нѣтъ и воли Божіей о смертной казни, и наоборотъ. Пусть же читатель самъ сообразитъ теперь, какъ нужно толковать эту обусловленную волю Божію по отношенію къ нашему времени, когда въ большомъ числѣ находятся люди, по своей „жестокости“ и нравственной грубости ничуть ни лучшіе ветхозавѣтныхъ евреевъ!

Въ виду такого отношенія ветхозавѣтнаго Откровенія къ новозавѣтному, вполне естественно и исполнено глубокаго смысла заявленіе Спасителя нашего: *не мните, яко прійдохъ разорити законъ, или пророки: не прійдохъ разорити, но исполнити* (Мѡ. V, 17). Христосъ прямо говоритъ Своимъ ученикамъ, что Его ученіе не отмѣняетъ и, тѣмъ болѣе, не осуждаетъ ветхозавѣтнаго закона, а восполняетъ его и раскрываетъ, въ мѣру пониманія новозавѣтнаго человечества, совершеннѣйшимъ образомъ. Вѣруя въ неложность словъ Спасителя, мы и изъ Его умолчанія о ветхозавѣтныхъ законахъ, касавшихся смертной казни, скорѣе согласимся признать то, что было узаконено въ Ветхомъ завѣтѣ, чѣмъ отвергнуть это, и, какъ ни странно кажется нашему автору заключеніе „не сказалъ (Христосъ о смертной казни), значитъ призналъ“, однако мы

вполнѣ согласны съ правильностію его. Мы не будемъ доказывать, какъ совершенно правильно предполагаетъ В. И., что новозавѣтный Законодатель нашъ Іисусъ Христосъ повелѣвалъ убивать за какое нибудь преступленіе (Іисусъ Христосъ, дѣйствительно, не повелѣвалъ, да и не имѣлъ нужды дѣлать этого, ибо такихъ повелѣній было достаточно и въ Ветхомъ завѣтѣ ¹⁾); не будемъ доказывать и того, что Іисусъ Христосъ прямо или косвенно одобрялъ смертную казнь (какъ бы то ни было, одобрять здѣсь совсѣмъ нечего; смертная казнь, какъ слѣдствіе преступленія, есть явленіе ненормальное и нежелательное въ мірѣ); здѣсь можетъ быть рѣчь только о молчаливомъ *признаніи* Іисусомъ Христомъ разсматриваемыхъ законовъ и права законной власти на проведеніе ихъ въ жизнь. Вотъ это то послѣднее (право законной власти) мы и утверждаемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, и дѣлаемъ это не на основаніи уже *умолчанія*, а на основаніи словъ Іисуса Христа. Извѣстныя слова Іисуса Христа, обращенныя къ Пилату: *ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше* (Іоан. XIX, 10. 11.), всегда будутъ для насъ Высшею санкціею гражданской власти, судящей и наказующей даже смертною казнію.

Авторъ нашъ толкуетъ ихъ въ томъ смыслѣ, что „слова о власти данной свыше имѣютъ отношеніе только къ данному частному случаю и указываютъ собственно на *попустительство беззаконія свыше*, но никакъ не болѣе этого“.

Толкованіе дѣлаетъ честь находчивости и изобрѣтательности автора, но никакой убѣдительности не имѣетъ; не имѣетъ же убѣдительности оно потому, что ни на чемъ не основывается и объясняется только желаніемъ В. И. во что бы то ни стало осудить смертную казнь авторитетомъ Самого Богочеловѣка. Если В. И. будетъ настаивать на справедливости своего именно пониманія указанныхъ словъ Спасителя, то мы спросимъ его, какъ онъ объяснитъ намъ классическія по своей убѣдительности слова св. Апостола, гдѣ онъ говоритъ о богоучрежденности гражданской власти и называетъ носителя власти Божіимъ слугою? Можетъ быть онъ забылъ эти слова Апостола; въ такомъ случаѣ напомнимъ ихъ ему: въ XIII главѣ посланія къ Римлянамъ Апостоль пишетъ: *Вся-*

¹⁾ См. Исх. 21, 12, 14, 15, 17. Исх. 22, 2, 19 и др.

кая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ: ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся: ибо онъ не напрасно носитъ мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему зло. Не думаемъ, чтобы В. И. сталъ отвергать авторитетъ богопросвѣщеннаго Апостола, хотя, впрочемъ, толстовская точка зрѣнія позволяетъ сдѣлать и это... А если не станетъ, то и спора о неосновательности пониманія имъ вышеприведенныхъ словъ Спасителя быть не можетъ.

Авторъ нашъ старается однако же привести нѣкоторое основаніе для своего пониманія, но основаніе это такъ же неудовлетворительно, какъ и самое пониманіе. Указывая Іоан. 19, 11 ст. *„сею ради предавый мя тебѣ болій грѣхъ имать“*, онъ говоритъ, что Христосъ *оказался узникомъ* не по праву законной власти, а какъ разъ наоборотъ—*по беззаконію*, такъ что хотя на „предавшемъ“ Его остается болѣе грѣха, чѣмъ на Пилатѣ, но грѣхъ остается и на Пилатѣ. Мысль для насъ совершенно ясная; но все же мы хотѣли бы знать, будетъ ли утверждать В. И. то, что сказано Евангелистомъ въ отношеніи ко Христу, и по отношенію къ разбойнику Вараввѣ, или къ тѣмъ двумъ разбойникамъ, которые были повѣшены со Христомъ, признаетъ ли и ихъ *„узниками по беззаконію“* и будетъ ли утверждать относительно ихъ, что *„хотя на предавшемъ ихъ остается болѣе грѣха, чѣмъ на Пилатѣ, но грѣхъ остается и на Пилатѣ?! Намъ совѣстно разяснять то, что ясно само собою всякому, не помраченному толстовскими мудрованіями, но приходится сдѣлать это: грѣхъ предателя и Пилата, о которомъ говоритъ Евангелистъ, заключается здѣсь не въ томъ что одинъ предалъ Христа суду, а другой осудилъ Его, а въ томъ что Іуда предалъ ни въ чемъ неповиннаго, а Пилатъ осудилъ Его на смерть, не обративъ въ Немъ, по собственному признанію, никакой вины.“*

Не смотря на очевидную несостоятельность своихъ толкованій, В. И. позволяетъ себѣ еще иронизировать по адресу „законниковъ“. Онъ пишетъ: „Не давая заповѣди о человѣко-

убійствѣ въ какихъ бы то ни было случаяхъ и не выражая одобренія его ни прямо, ни косвенно, Онъ (Христосъ) быть можетъ все же признавалъ право правительства на человѣкоубійство? Да! Законники такъ и говорятъ. Они увѣряютъ, что есть двѣ морали: одна индивидуальная, а другая общественно-политическая. Содержаніе ихъ будто бы не совпадаетъ между собою и добро и зло у нихъ расцѣпляется неодинаково; напр. люди, какъ индивидуумы, не должны грабить другъ друга. Но если они соединяются въ группы или классы и одинъ классъ грабитъ другой, особенно если—замаскировано, или если цѣлый народъ нападаетъ на другой и лишаетъ его естественныхъ правъ и заставляетъ подчиняться своимъ законамъ и платить себѣ деньги, то это уже не зло, и проч.“ Не знаемъ, какихъ именно законниковъ имѣлъ нашъ авторъ въ виду; если оказываются такіе, то, по нашему мнѣнію, они не менѣе искусны въ пониманіи и толкованіи Христова ученія, чѣмъ онъ самъ. Насъ за наши рѣчи, вѣроятно, онъ тоже причислитъ къ лику законниковъ, но утверждать явно нелѣпую, съ точки зрѣнія Христова ученія, мысль о двухъ мораляхъ мы ни въ какомъ случаѣ не станемъ. Если В. И. хотѣлъ сказать о безучастномъ и безразличномъ отношеніи „законниковъ“ съ ихъ моралью къ жизни общественной, то смѣемъ увѣрить его, что это неправда: всякій, мало-мальски знакомый съ христіанскою моралью законникъ знаетъ, что христіанское правительство также, какъ и отдѣльный индивидуумъ, обязано проводить въ жизнь заповѣданную Христомъ любовь и по мѣрѣ возможности, подъ сѣнію Церкви, возрождать во Христѣ и возводить „въ мѣру возраста совершенна“ цѣлыя общества; и ужъ, конечно, если одинъ классъ *грабитъ* другой, если цѣлый народъ *нападаетъ* на другой и лишаетъ его естественныхъ правъ, то никакой законникъ не назоветъ этого дѣломъ хорошимъ.

Остановившись, далѣе, мимоходомъ, на Капернаумскомъ сотникѣ, вѣрѣ котораго Христосъ выразилъ одобреніе и которому не далъ повелѣнія сложить воинское званіе (слѣдовательно, не осудилъ въ извѣстныхъ случаяхъ пролитіе человѣческой крови, какъ совершенно справедливо заключаетъ Пр. А—въ), и объяснивши довольно невразумительно „умолчаніе“

Христа Его кротостію ¹⁾, о „которой возвѣстилъ пророкъ Исаія“, авторъ рассматриваемой нами статьи поучаетъ затѣмъ читателя самымъ неожиданнымъ для насъ образомъ: „Самъ Онъ (Христосъ) приравнивалъ Свое ученіе къ закваскѣ. Это значитъ, что Онъ всячески бережно обращался съ людьми, не хотѣлъ радикально мѣнять всѣ условія ихъ существованія и насильственно вырывать изъ нихъ“.—Мы сами утверждаемъ именно то, что говоритъ сейчасъ В. И., но съ нашей точки зрѣнія это совершенно послѣдовательно и понятно, а какимъ образомъ нашъ авторъ пришелъ къ такому заключенію, явно противорѣчащему всѣмъ его прежнимъ разсужденіямъ, понимать совершенно отказываемся. Хотѣли бы только подѣлиться съ читателемъ по поводу словъ его въ некоторомъ недоумѣніемъ: если Христосъ не хотѣлъ радикально мѣнять всѣ условія существованія людей, то зачѣмъ же нашъ авторъ отъ „законниковъ“, то требуетъ, чтобы они желали этого? Если во Христѣ онъ объясняетъ такое отношеніе къ различнымъ условіямъ и формамъ жизни общественной, „бережнымъ обращеніемъ Его съ людьми“ то „законниковъ“, то нашихъ зачѣмъ онъ ругаетъ?!

Считая дѣломъ совершенно излишнимъ останавливаться на каждой фразѣ и на каждомъ словѣ нашего автора, мы отмѣтимъ еще послѣднюю его мысль, которой онъ приписываетъ, повидимому, важное значеніе. В. И. упрекаетъ „законниковъ“ въ произвольномъ толкованіи Слова Божія, всегда въ желательномъ для себя смыслѣ и догадывается (sic)—какой критерій имѣютъ они при сужденіи о томъ, что можно примѣнять изъ Писанія къ жизни и чего нельзя. Вѣроятно и здѣсь помогла автору его психологія. „Ветхозавѣтные первосвященники и старцы, говоритъ онъ, только предъ народомъ настаивали на смерти Христа во имя богооткровеннаго закона, а въ дѣйствительности они руководились другими мотивами, которые они высказали только въ тѣсномъ своемъ кружкѣ, именно: „если

¹⁾ Умолчанія Христа, говорятъ Онъ, вовсе не означаютъ Его одобренія. Психологія такихъ умолчаній иная. О Христѣ еще у пр. Исаи сказано, что Онъ „трости надломленной не сокрушитъ“... Интересно было бы знать, какъ онъ со своей психологіей станеть объяснять такіе евангельскіе факты, какъ изгнаніе торгующихъ изъ Храма и многократныя обличительныя рѣчи Христа?!

оставимъ Его (Христа), такъ говорили они между собою, то всѣ увѣруютъ въ Него; и придутъ римляне и овладѣютъ и мѣстомъ нашимъ и народомъ... лучше намъ, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей, нежели чтобы весь народъ погибъ", (Иоан. XI). Наши законники стоятъ въ сущности [на той же самой почвѣ страха предъ римлянами и разными общественными безпорядками, и проч.— По поводу приведенныхъ изъ Евангелія словъ считаемъ нужнымъ сказать В. И., что безнравственность разсужденія ветхозавѣтныхъ первосвященниковъ заключается здѣсь, конечно, не въ заботахъ ихъ о благѣ и независимости своего народа, а въ принесеніи въ жертву невиннаго за виновныхъ, на каковое принесеніе они не имѣли нравственнаго права. Если бы совѣщались они здѣсь не о Христѣ, а, положимъ, о Вараввѣ разбойникѣ и пришли къ тому заключенію, что лучше погибнуть одному недостойному члену общества, разбойнику, чѣмъ всему народу гибнуть изъ за него, то мы не осудили бы ихъ нисколько за такое рѣшеніе. Ужели вашему автору покажется гуманнѣе и ближе къ духу Христова ученія обратное заключеніе: пусть гибнетъ весь народъ, а личность злодѣя останется неприкосновенною?!

Теперь мы достаточно познакомились съ разсужденіями В. И. и предоставляемъ читателю самому судить, насколько основательны его насмѣшки надъ нашими „законниками“ и „первосвященниками и книжниками“, насколько ему удалось выполнить ту задачу, которую онъ имѣлъ при написаніи своей статьи: „показать, что Пр. А—въ не по праву сѣлъ на Моисеево сѣдалище руководителемъ человѣческой совѣстію по завѣтамъ нашей вѣры“, и можно ли его самого посадить на это сѣдалищѣ.

Мы старались говорить, въ мѣру нашего умѣнія, определенно и ясно, но все же опасаемся, чтобы кто нибудь не понималъ насъ неправильно; въ виду этого считаемъ нужнымъ систематически формулировать тѣ мысли, которыя мы признаемъ согласными съ требованіями здраваго смысла и Христова ученія.

Земная жизнь человѣка есть благо, но не безусловное, а условное—какъ время борьбы съ грѣхомъ и подвиговъ, и указанный Самимъ Богомъ путь къ достиженію истиннаго и вы-

сочайшаго блага—вѣчной блаженной жизни въ единеніи съ Богомъ: кто пользуется своею жизнію надлежащимъ образомъ, для того она благо, кто живетъ во вредъ душѣ своей—для того она зло. Разсуждая такимъ именно образомъ, древніе учителя церкви даже въ фактѣ появленія въ мірѣ смерти, которая полагала предѣлъ грѣху и не давала ему возможности развиваться безпредѣльно, усматривали проявленіе Божественной благодати. Судить безошибочно о томъ, разумно или неразумно пользуется своею жизнію человекъ и ведетъ ли она его къ истинному благу можетъ только одинъ сердецвѣдѣцъ—Богъ; одинъ только Онъ имѣетъ и право лишить человека жизни. Поэтому Богъ запретилъ одному человеку проливать кровь другого по какимъ бы то ни было мотивамъ, подъ страхомъ пролитія крови самого убійцы: *проливаяй кровь человеку, въ ея мѣсто его пролется, яко во образъ Божій сотвориша человека* (Быт. IX, 6). Право наказывать убійцъ, а равно и другихъ преступниковъ, Имъ Самимъ указанныхъ, въ законѣ, Богъ предоставляетъ лицамъ, получившимъ отъ Него на это особыя полномочія (Моисею, судіямъ, царямъ, и др.). Такимъ образомъ, между частнымъ убійствомъ и смертною казнію, хотя въ томъ и въ другомъ случаѣ и одинаково проливается человѣческая кровь, существуетъ громадное различіе: убійцы оказываются преступниками, нарушителями воли Божіей и Его заповѣдей; правители, наказывающіе преступниковъ смертію, исполнителями воли Божіей. Послѣдствіе, если только они не злоупотребляютъ своимъ правомъ и властію, такъ же мало повинны въ пролитіи человѣческой крови, какъ и стихійныя силы, поражавшія и поражающія грѣшниковъ по волѣ Божіей: они только мечъ въ десницѣ Божіей, наказывающій однихъ и вразумляющій другихъ. Поэтому, люди всѣхъ временъ и народовъ считали дѣйствительными виновниками пролитія крови не правительство, казнящее преступниковъ, а самихъ преступниковъ; а истинные и разумные человѣколюбцы заботились не о томъ, чтобы вырвать мечъ изъ рукъ правящей власти, но чтобы сдѣлать его ненужнымъ,—заботились объ уничтоженіи грѣха въ мірѣ, объ улучшеніи и совершенствованіи, какъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ. Такіе именно взгляды на отношеніе подданныхъ къ своимъ властямъ и властей къ

подданнымъ мы находимъ и въ посланіи первоверховнаго Апостола, который не менѣе, конечно, насъ зналъ о всепрощающей любви Христовой, не менѣе насъ и самъ былъ проникнуть такую любовію. Напрасно и неосновательно думаютъ, что законы—ветхозавѣтный и новозавѣтный различны между собою по существу. Хотя и можно въ извѣстномъ смыслѣ сказать, что ветхозавѣтный законъ былъ закономъ возмездія, а новозавѣтный—любви и всепрощенія, однако въ основѣ того и другого закона лежитъ одна и та-же всеблагаа любовь Божія. Различіе въ проявленія ея только то, что, воспитывая чело-вѣчество въ мѣру совершеннаго возраста, Богъ открывалъ Себя ветхозавѣтному чело-вѣку по преимуществу со стороны Своего божественнаго правосудія, а новозавѣтному явилъ Себя Богомъ любви и всепрощенія. Но какъ ветхозавѣтный законъ возмездія не исключалъ собою снисхожденія и любви, такъ и новозавѣтный законъ любви не исключаетъ собою правосудія. Поскольку новозавѣтное чело-вѣчество далеко отъ идеаловъ, указанныхъ Христомъ, и отъ любви, заповѣданной Имъ, правосудіе и его органы имѣютъ не менѣе правъ на свое существованіе въ христіанскомъ государствѣ, чѣмъ въ ветхозавѣтномъ обществѣ. Говорятъ: „время древняго закона прошло, мы освободились отъ него... мы должны духомъ водиться и находиться подъ благодатію, а не подъ закономъ“¹⁾. (Рим. VII, 6; Галат. V, 18). Ужели слѣдуетъ отсюда, что нельзя по ветхозавѣтнымъ законамъ наказывать современныхъ намъ преступниковъ? Прикрывать преступниковъ благодатію намъ кажется дѣломъ въ высшей степени кощунственнымъ. Вѣдь благодать Божія, если станемъ понимать ее и такъ, какъ понимаетъ нашъ авторъ, явилась не для однихъ только преступниковъ; зачѣмъ же честнымъ то людямъ страдать отъ ихъ безваказанности? Намъ думается, что благодать, явившаяся въ мірѣ чрезъ Іисуса Христа, дѣлаетъ преступниковъ не менѣе, а еще болѣе, чѣмъ въ ветхозавѣтную эпоху, ответственными предъ божественною правдою. Если мы за драку и буйство наказываемъ чело-вѣка неразвитаго, то ужели признаемъ за ту же вину не заслуживающимъ наказанія чело-вѣка образованнаго? Очевидно, говорящіе о благодати не понимаютъ истиннаго смысла словъ

¹⁾ Изъ рассматриваемой статьи В. И.

апостольскихъ. Нравственный законъ, какъ выраженіе воли Божіей, всегда былъ, есть и будетъ обязателенъ для человѣка; измѣняется только отношеніе человѣка къ закону, въ зависимости отъ уровня его духовнаго развитія. Христіанинъ можетъ, дѣйствительно, освободиться отъ рабства закону, при содѣйствіи божественной благодати, но можетъ быть и въ зависимости отъ него ничуть не меньше ветхозавѣтнаго еврея. Только добровольно выполняющій волю Божію истинно свободенъ и находится внѣ зависимости отъ закона... Въ правѣ ли это сказать про себя мы, пусть намъ подскажетъ объ этомъ наша совѣсть, объективно же наблюдая жизнь, мы видимъ, насколько далеко стоитъ человѣчество отъ идеаловъ, возвѣщенныхъ Христомъ, и сколь часто нуждается оно въ суровыхъ ветхозавѣтныхъ законахъ. Совѣсть наша не позволяетъ намъ согласиться съ тѣми, которые поносятъ правительство и выставляютъ представителей власти какими то извергами и убійцами а „законниковъ“, не признающихъ своевременнымъ отмѣны смертной казни, обвиняютъ въ малодушіи и желаніи угодить предержавшимъ властямъ; такія рѣчи намъ кажутся тенденціозными и узкопартийными. Намъ думается, что вполне искренній и честный человѣкъ долженъ возмущаться не тѣмъ, что правительственные чиновники приводятъ въ исполненіе законы, существующіе въ государствѣ, а тѣмъ, что въ христіанскомъ обществѣ находятся такіе преступники, которые своимъ поведеніемъ лишаютъ государство права являться милующимъ и не даютъ ему возможности во всей полнотѣ проводить въ жизнь любовь, заповѣданную Христомъ. Никто не въ правѣ и насъ обвинять за наши рѣчи въ „жестокости“, ибо говоримъ все это во имя той же любви къ ближнему и вслѣдствіе такого же отвращенія къ убійствамъ, какъ и несогласныя съ нами лица; различіе между нами только то, что мы возмущаемся убійствомъ, которое *разъ навсегда и безусловно осуждено Божественнымъ Законодателемъ*, а противники наши — смертною казнью, которая была узаконена *Самимъ Богомъ*, хотя узаконеніе это и не имѣетъ общеобязательнаго и безусловнаго значенія.

II. Кратировъ.